

ЛАТИНЯНЕ И НЕЛАТИНЯНЕ В КАФЕ (XIII—XV вв.)

Интенсивное смешение народов, преодоление антропологической определенности как единственного признака этнической принадлежности, отнюдь не являются исключительной приметой современности. Эти процессы во многом предвосхищены средневековьем с его христианской максимой — «нет ни эллина, ни иудея», с его космополитическим порядком, сильнейшим проявлением которого были урбанистические центры Латинской Романии, т. е. зоны симбиоза западной и восточной культур. Одной из таковых являлась Кафа — *janiensis civitas in extremo Euiore*.

В медиевистике по праву преобладает представление о господстве *jus sanguinis* в средневековом сознании, однако в приложении к истории таких смешанных городских общин, как Кафа, оно во многом утрачивает смысл. Равно как и взгляд о религиозном противостоянии Запада и Востока, в целом верный, оказывается неприемлемым на локальном уровне. Даже традиция рассмотрения истории города в контексте социальных и иных антагонизмов, имевших якобы постоянную тенденцию к обострению, требует переосмысления для той своеобразной обстановки, в которой оказалась Кафа.

«Латиняне и нелатиняне в Кафе» — их стремление к консолидации и неприятие последней... Оправдана ли подобная оппозиция представлениями XIII—XV вв.? Нет, это — видение автора. Люди той поры, по крайней мере стоявшие на точке зрения генуэзцев, осознавали грань между *nostrates* и *foreses*, что чаще всего осмыслялось как деление на генуэзцев и негенуэзцев, но иногда могло означать кафиотов и некафиотов. Предложенными нами дефиниции вызваны стремлением преодолеть двусмысленность понятий «*nostrates*» и «*foreses*». Наши определения вполне отвечают средневековому пониманию отделенности Запада от Востока и, что особенно важно, конфессиональному размежеванию между христианством и нехристианством, между католицизмом и православием. Латиняне — не только генуэзцы, не только выходцы подчиненной Генуе Лигурийской Ривьеры, тысячи имен которых встречаются в кафских нотариальных актах, но и вообще итальянцы: из Милана и Сицилии, из Флоренции и Венецианской республики; и даже шире — представители латинского, т. е. католического, Запада. В Кафе нашли свое новое местожительство мигранты из Франции, Испании, Германии; жили там, пусть и немногочисленные, поляки и венгры.¹

© А. Г. Еманов, 1991

¹ Valard M. La Romanie génoise (XIIe—début du XVe siècle). Rome, 1978. P. 236—243; о венецианцах см.: M o r o z z o della Rocca R. 1) Lettere

Нелатиняне — это в первую очередь греки и армяне, которые называются в любом описании населения Кафы XIII—XV вв. К ним же должно отнести евреев и «набатеев», как порой назывались потомки принявших иудейство хазар, или иначе — караимы. Далее следует сказать о татарах, именовавшихся тогда «скифами» в соответствии с античной традицией, русах, разнообразных кавказских народах.²

В Кафе «живут христиане и последователи шести различных вероисповеданий», — рассказывал Иоганн Шильтбергер, хорошо знавший город. Под «христианами» он разумел только католиков, которым в Кафе принадлежало, судя по частно- и публично-правовым актам, до 20 храмов. Под остальными можно понимать армениан, обладавших свыше 40 церквами, сторонников греческой и русской церквей, известных по кафским статутам, иудеев талмудистского и библеистского толков, упомянутых Шильтбергером, от которых остались и довольно долго сохранялись еврейская синагога и караимская кенасса, и, наконец, мусульман, мечеть которых поминалась Ибн-Баттутой.³

Есть основания дополнить характеристику нелатинян указанием на арабов, турок и персов. Свидетельством их присут-

di mercanti a Pignol Zucchello (1336—1350). Venezia, 1957. N 63; 2) Notizie di Caffa // Studi in onore di A. Fanfani. Milano, 1962. Vol. 3. P. 265—295; Thiriet F. Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Roumanie. Paris, 1958. T. 1. N 175, 221, 244, 247, 689; Melis F. Documenti per la storia economica dei secoli XIII—XVI. Firenze, 1972. N 34; об испанцах см.: Thomas G. M., Predelli I. «Libri Commemorativi» della Repubblica di Venezia: Regesti. Venezia, 1876. Vol. 1. P. 265; Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Caffa ea Licostomo (sec. XIV). Genova, 1973. N 15, 17, 29; Ballard M. Gênes et l'Outre-Mer. T. 1: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289—1290. Paris, 1973. N 119, 275, 300, 333; о пьячентинцах см.: Bautier R. H. Points de vue sur les relations économiques des occidentaux avec les pays d'Orient au moyen âge // Actes du 8e Colloque internationale d'histoire maritime. Paris, 1970. N 1—5; о немцах и французах см.: Morozzo della Rocca R. Notizie di Caffa. P. 259; Balbi G., Raiteri S. Op. cit. N 15; Balletto L. Genova. Mediterraneo. Mar Nero (sec. XIII—XV). Genova, 1976. P. 217.

² Heyd W. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Stuttgart, 1879. Bd. II. S. 403; Musso G. Gli orientali nei notai genovesi di Caffa // Archivi e cultura: Rassegna dell'Associazione archivistica. Roma, 1973. N 7. P. 97—110; Ballard M. Les orientaux à Caffa au XVe siècle // Byzantinische Forschungen. 1987. N 11. P. 223—238.

³ Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1962. Т. III. С. 391; Schiltberger J. Reisen in Europe, Asia und Afrika von 1394 bis 1427 / Hrsg. von K. Neumann. München, 1859. S. 106; об армянских церквах см.: Халпахчьян О. Х. Данные о неизвестном армянском монастыре в Кафе // Историко-филологический журнал. Ереван, 1978. № 2. С. 175—181; о греческих и русской церквах см.: Impresio Officii Gazariae // Monumenta historiae Patriae. Torino, 1838. T. II. Col. 407; о синагоге и кенассе см.: Harkavy A., von. Altjudische Denkmäler aus der Krim // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg. SPb., 1876. T. XXIV. N 1; о мечети см.: Тизенгаузен В. В. Сб. материалов относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. Т. 1. С. 280.

ствия являются эпиграфические и нумизматические памятники.⁴

Однако дать полное описание этнической структуры латинян и нелатинян едва ли представляется возможным. «Столько и так необычны племена, которые там (в Кафе. — А. Е.) собрались, — писал испанский путешественник XV в. Перо Тафур, — что поистине не будь там генуэзцев, то, вероятно, жители тамошние ничем не походили бы на нас, настолько разнятся они в манере одеваться, есть, в обычаях женщин». «Встречаются в городе люди всех народностей», — утверждал профессор латинской школы в Кафе Альберто Альфиери. «Здесь говорят на всех восточных языках, и однажды я сумел насчитать целых 35», — заключал католический архиепископ Султанни Иоанн Галлифонтен, не раз останавливавшийся в Кафе в конце XIV — начале XV в.⁵

В историографии часто высказывалось суждение об этническом принципе в топографии города: каждый этнос занимал свой квартал, организующим центром которого была соборная церковь той или иной конфессии. Арабы имели в Кафе свой квартал — Туггар аль Хасс; армяне — Френк Хиссар и даже крепость, примыкавшую к Кафе, — Айоц берд. Сообщалось и о русском квартале. Ничто не исключало гипотез о кварталах греков, евреев, готов и т. д.⁶

Между тем знакомство с массовыми источниками показывает значительную степень взаимопроникновения, смешения не только в расселении, но и в утверждении прав на недвижимость: латиняне снимают жилье у левантийцев, вступают с ними в совместное владение, покупают и продают дома, магазины, лавки, земли, имея в качестве партнеров нелатинян. Вот несколько типичнейших, произвольных ситуаций: армяне Костамир, Парокса, Симон свидетельствуют продажу дома неким Ваадер генуэзцу Никколо Спецапетра, расположенного по соседству с домом мусульманина Джамаладина и домами русских; итальянец, возможно левантийского происхождения, Са-

⁴ Акчокраклы О. 1) Старокрымские и Огузские надписи XIII—XV вв. // Изв. Таврического общества истории, археологии, этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1. (58). С. 5—17; 2) Старокрымские надписи // Там же. 1929. Т. 3 (60). С. 152—159; Иванов А. А. Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XIII—XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989. С. 24—31.

⁵ Tafur Pero // *Atti della Società Ligure di storia Patria*. Genova, 1983. Vol. XV. P. 339; Alfieri A. Ogdoas // *Ibid.* 1985. Vol. XVII. P. 314; Галонифонтибус И. де. Сведения о народах Кавказа, 1404 г. Баку, 1980. С. 14.

⁶ Об арабах в Кафе см.: Labib S. Y. *Handelsgeschichte Ägyptens im Spätmittelalter (1171—1517)*. Wiesbaden, 1965. S. 328; об армянах см.: Микаелян В. А. Когда и как возникли армянские поселения в Крыму // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Киев, 1965. С. 169—177; о русском поселении, см.: Старокадомская М. К. Русское торговое население генуэзской Каффы (XIII—XVI вв.) // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 147—154.

ладин де Овадо купил дом у Кристиана Аллемана, граничивший с домами сарацинов, венгра Матвея и грека Jugus; Никита из Таны, вероятно грек, владевший $\frac{1}{4}$ частью дома в Кафе совместно с сирийцем Михаилом и епископом Солдайи, уступил права на свою долю генуэзцу Лукино дель Орто; кремонец Фредерико с женой Vedochia (Евдокия? — А. Е.) жил в доме грека Astexano.⁷

Всякая мысль об этнической изолированности и замкнутости опровергается многочисленными нотариальными актами, касающимися брачных отношений. Смешанные браки здесь общепризнаны: итальянец Джованни де Кастроново берет в жены гречанку Марию; генуэзец Бьянко Сальваго, взявший в служанки гречанку Елену, возвысил ее в супруги с согласия родителей; флорентиец Альбертуччо сватался к Пиперции, скорее всего тоже гречанке; русская женщина Франческа вышла замуж за Уголино из Пьяченцы; венгерка Маррота была женой Петручоло из Кремоны; Sigagnese, дочь Toder, имела сына от генуэзца Джакомо де Бонифаччо; две девушки по имени Јегапа обручились одна с Крешино из Асти, другая с Джерардо Террафоко.⁸

Принципиальное отличие генуэзской Кафы от других центров Романии, скажем Таны, в том, что мигранты из Лигурии поселялись там надолго, обзаводясь недвижимостью, домохозяйством, нанимая слуг и вступая в брак с понтийскими женщинами. В XV в. генуэзские власти предприняли специальные меры, стимулировавшие стабильность лигурийского населения в Кафе: каждому генуэзцу, взявшему жену в том городе и оставшемуся на постоянное жительство, предоставлялись вспомоществование в размере 1 соммо в месяц, а также льготы в получении земельного участка в городе и в строительстве дома.⁹

Брачно-семейные отношения между латинянами и нелатинянами вели к появлению смешанных группировок, каковыми были, например, пуланы — потомки латинян и сирийцев, или гасмулы — дети отцов-латинян и матерей-гречанок, или еще франки-кардасы, происходившие из итало-черкесских семей, которые остались в Крыму даже после захвата Кафы турками. Складывалась новая генерация итальянцев левантийского происхождения, владевших несколькими языками — греческим, арабским, команским и другими. Были итальянцы, которые владели уйгурским языком (*lingua ugarisca*).¹⁰ Итало-левантийцы уважительно относились к чужим верованиям, нередко делая выбор в их пользу. Французский рыцарь Балдуин Гено,

⁷ ALS, N 109, 239, 595, 730.

⁸ Ibid. N 108, 257, 385, 445, 514, 537, 853, 860.

⁹ Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Leguri durante la Signoria dell'Ufficio di S. Giorgio // ASLSP. 1871. Vol. VII. P. 437.

¹⁰ ALS. N 181; Desimoni C. Trattato dei genovesi col chan dei tartari 1380—1381 // Archivio storico italiano. Nuova serie. Firenze, 1887. Vol. XX. P. 161, 165; Галонифонтибус И. де. Указ. соч. С. 20. Ст. 109.

упомянутый Рубруком, был не одинок. Стремительное распространение итальянских фамилий (Тартаро, Тартарино, Турко, Болгаро, Руссо) являлось симптомом того же процесса.

Социально-экономический, политический и религиозный симбиоз совершенно изменил, даже исказил этническую ситуацию Кафы, и сегодня не так-то просто выяснить, кто скрывался под тем или иным этником.

Скажем, что значило имя «греки»? Мало указать на различие между понтийскими греками и греками Пелопоннеса, между византино-трапезундскими греками и греками, например, Испании (*Demetrius Spanus Grecus*), которые воспринимали друг друга как иностранцы. Одинаково обозначались и представители алаано-хазаро-тюркского мира Причерноморья (ср., например, имена *Stamatichi, Usuffi, Boga, Jurgus*, принадлежавшие якобы грекам) и выходцы из сиро-палестинских земель (*Costa Sirianus, Calo Jane de Gibeletto*), если они придерживались греческой ортодоксии. Еще одним основанием для причисления к грекам могло служить владение греческим языком. М. Балар в связи с этим приводит известие о таинственных «болгарах греческого наречия» (*bulgari lingua gregorum*) и о жителях Килии, владевших *lingua gomessa*, который понимался им как «ромейский язык», т. е. греческий. Правда, фраза, где упоминались грекоязычные болгары, может звучать несколько иначе: «...греческий язык используется рабами и другими, кого приводят ...как рабов и кого называют „болгары“. „Ромейский“ же язык, как настаивает Ш. Андрееску, являлся валашским языком».¹¹

Само название «болгары», а они входили в число постоянных жителей Кафы, является верхом неопределенности. Так обозначались и подданные Второго Болгарского царства, и выходцы из Волжской Булгарии, и жители Кавказской Балкарии. «Болгарами» могли именовать и христиан, и мусульман, и язычников. Дж. Пистарино показал, что так же называли сторонников богомильской (болгарской) ереси. Вполне допустимо тол-

¹¹ ALS. N 33, 48, 105, 109, 208, 212, 223, 239, 252, 254, 409, 430, 438, 459, 514, 529, 537, 594, 714, 741; Balbi G., Raiteri S. Op. cit. N 61; Balletto L. Op. cit. P. 217, 218, 220; Airaldi G. Op. cit. P. 31—33, 35, 41, 42; Schreiner P. Bizantini e genovesi a Caffa // Mitteilungen des Bulgarischen Forschungsinstitutes in Österreich. Wien, 1984. N 2. S. 97—100; Matschke K.-P. Byzantinischer Politiker byzantinische Kaufleute im Ringen um die Beteiligung am Schwarzmeerhandel in der Mitte des 14. Jh. // Ibid. S. 75—95; Balard M. Les génois et les régions bulgares au XIVe siècle // Byzantinobulgarica. Sofi, 1981. VII. P. 96; Andreescu S. Trois actes des Archives de Gênes concernant l'histoire de la mer Noire au XVe siècle // Revue des études sud-est européennes. Bucarest, 1983. N 1. P. 35; Genova e la Bulgaria nel Medioevo. Genova, 1984. P. 181; о сирийцах, именовавшихся греками, см.: Jacoby D. Citoyens, sujets et protégés de Venise et de Gênes en Chypre du XIIIe au XVe siècle // Recherches sur la Méditerranée orientale du XIIe au XVe siècle. London, 1979. P. 167.

кование *bulgari* в смысле *vulgari*, т. е. варвары, язычники.¹²

В кафских актах 1289/90 г. упоминались три болгарские рабыни, две по имени *Calì*, одна — *Cressana*. Если последнее имя могло иметь славянскую этимологию, то имя *Calì* с равным успехом можно отнести к греческим и тюркским языкам. Ложность буквального понимания термина *bulgari* может быть почувствована по сохранившейся юридической казуистике 1380 г., волей случая связанной все с тем же непростым именем *Calì*. Речь шла о требовании восстановить свободный статус служанки. Суд оказался перед необходимостью опроса сторон и свидетелей: была ли Кали родом из греков, в этом случае она имела право на свободу, или же из татар, и тогда она не подлежала освобождению. То, что Кали прекрасно владела греческим, суд не счел аргументом в пользу ее греческого происхождения: им отлично владели многие генуэзцы и лица иных народностей. Окончательное решение — неизвестно, но очевидна мнимость этникона «болгары». Близкое значение имеет случай с Микали: он был продан в рабство как татарин, т. е. из мусульманской Болгарии на Волге. После же ему через суд удалось доказать, что он родом из болгар, из христианской Болгарии на Дунае, и, таким образом, получить освобождение.¹³ То есть неоднозначность толкования имени «болгары» отчетливо осознавалась уже в ту эпоху и использовалась одними для отстаивания «прав человека», другими — для их попрания.

Ungari, или *manigari*, встречавшиеся среди кафиотов, также оказывались либо выходцами из христианского королевства Венгрии, либо из языческой Венгрии на Волге, либо из Предкавказья, из той области, где находился весьма крупный город Маджар, поддерживавший сообщение с Кафой. Имена *manigari* *Balaban*, *Tegonda*, *Archona*, известные по кафским актам 1289/90 г., как раз принадлежат кавказскому кругу антропологии. А вот Матвей *Ungarus*, судя по имени, христианин, с большим основанием может быть связан с Дунайской Венгрией. Впрочем, как и Павел *Ungalus*, раб 30 лет, оказавшийся несвободным, как можно предположить, в результате татарского набега 1285—1287 гг. на Карпаты. Помимо того, в документах массариев Кафы попадаются куда более парадоксальные этникины: *Velachus sive ungarus*, *ungarus pollanus* (ср.: *Vellachus pollanus*). То ли под ними следует подразумевать потомков смешанных брачных союзов, то ли видеть в них соединение этно-топографических и этнополитических определений, т. е. «венгр из валашских земель» («валах венгерского подданства»), «венгр

¹² ALS. N 101, 228, 804; Balletto L. Presenze bulgare da Caffa a Genova (sec. XIII—XV) // Genova e la Bulgari a nel Medioevo. Genova, 1984. P. 149—211; Pistarino G. All'origine dei rapporti bulgaro-genovesi (1281—1290) // Ibid. P. 74; Pavoni R. Il toponimo Bulgaro: un problema ancora aperto // Ibid. P. 89—95.

¹³ Balletto L. Presenze bulgare da Caffa. N 3.1—3.7, 8; Pistarino G. I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 182—183. N 82.

из польских владений». (Принимая во внимание то, что, например, валашская Килия в первой половине XV в. подчинялась венгерской короне, а молдавский Монкастро признавал сюзеренитет польского короля).¹⁴ Впрочем, при поступлении на службу кафской общины указание на подданство должно было утрачивать значение.

Даже такая замкнутая и устойчивая этническая группа, как евреи, представленная в населении Кафы, дает примеры интенсивного смешения. Здесь были евреи западного происхождения, например, Ашкенази, мигрировавшие из Германии, евреи восточного происхождения (Eliiah ben Kaleb) и, конечно, понтийского (Tamanli, Azak). Особенностью Кафы является принадлежность к *judei* тюрок, а именно: к уже упоминавшимся хазарам, что объясняет обилие тюркских имен у местных евреев (см.: *Abgainus, Minamini, Iffusso, Sabatei*). Только в самобытной ситуации Причерноморья возможна встреча *iudeus gothicus*,¹⁵ т. е. «гото-еврея», надо думать, гота по крови, по рождению, но иудея по вере и, стало быть, по языку (аналогично, см.: *saraceni gotici*).

И уж целиком собирательными оказываются обозначения «русские» и «татары». Примечательно обращение татарских властителей к правительству Венеции в 1356, 1358 гг. по поводу возмещения ущерба, причиненного татарским купцам: среди имен приводились армянские (*Condomelic, Idomelic*), еврейские (*Ysof*), греческие (*Chalos*) и русские (*Iuan, Stefan*). Все они оказались названными татарами, исходя из признания ими, в чем можно быть уверенным, подданства татарского хана. Среди выходцев из России, называвшихся в книге Дж. Бадозера, значились имена *Melchsia, Ogan, Андрей*. Первые два определено армянские. *De Rossia* могло быть также указанием подданства русского князя. Но какого? Хорошо известно, что для итальянцев «Россией» являлось Литовское княжество и даже порой Польша, а великий князь Литвы Витольд звался *dux Russie*. В «татары» или «русские» легко могли быть зачислены угро-финские народы Поволжья. Здесь уместно вспомнить торговца зерном Василия *de Machia* и мусульманина Никиту *de Maschia*, продававшего в Кафе русскую рабыню. И тот и другой — из области междуречья Оки и Мокши, заселенной мордвой.¹⁶

¹⁴ ALS. N 87, 109, 334, 766; Jorga N. *Acte si fragmente cu privire la istoria Românilor*. Bucuresti, 1897. T. 3. P. 45, 47, 48; Berzeviczy A. *Les rapports italo-hongrois au XVe siècle // Revue de Hongrie*. Budapest, 1939. T. 40. S. 49—57; Tardy L. *Sklavenhandel in der Tartarei*. Szeged, 1983. S. 145—185.

¹⁵ ALS. N 371; Balletto L. *Genova*. P. 216; Chwolson D. *Corpus inscriptionum hebraicarum*. SPb., 1882. Doc. 126, 129, 136, 137, 138; Doumerc B. *Les vénitiens à la Tana au XVe siècle // Moyen âge Bruxelles*. 1988. T. 94. N 3/4. P. 368.

¹⁶ ALS. N 239, 373, 505; Thomas G. M., Predelli R. *I Libri Comemorativi*. Vol. II. N 61, 140; Musso G. *Russi a e genovesi del Levante*

Ассимилятивно-диссимилятивные процессы в Кафе предопределяли особую жизненную среду, иную направленность сознания, несхожие с этносом западного города. Обстановка толерантности, позволившая задолго до Флорентийского собора добиться унии западной и восточной церквей на локальном уровне, тем самым исключившая возможность возникновения антиеврейских или антимусульманских настроений и выступлений, характерных для Западной Европы. Существовало определенно выраженное стремление понять «другого», тяготение к объединению и в некотором смысле уподоблению. В многоязыком общении Кафы вырабатывался некий единый койнэ, доступный и латинянину, и нелатинянину; происходило естественное подчинение латинян местной моде в одежде и жилище. В Кафе все многочисленные народы образовывали определенное единство, определенную общность, которая только и способна была гарантировать выживание.

Такого рода общность — не фикция, не историографическая гипотеза; она нашла выражение в идее и практике *universitas hominum Caffae*, известной уже по статуту 1316 г. «Университас» составляли благородные (*nobiles*) и беглые рабы, которым городским статутом даровалась свобода; в нее входили люди состоятельные (*borghesi grandi*) и, наоборот, не имевшие недвижимости (*borghesi piccoli*). От городской общины в конечном счете зависело решение всех жизненно важных вопросов — распределение земель в пределах Кафы, организация фортификационных работ, гарнизонной и крепостной служб, снабжения продовольствием и водой, приобретаемого в условиях крымского климата особую остроту.¹⁷ Пафос «общего блага» может быть почувствован, например, в следующем положении статута 1449 г.: «Так как епископ городской общины Кафы обременяет, беспокоит и принуждает иной раз к приношениям, что легко может стать причиной сокращения населения названного города и бургов, отчего возникает опасность и вред для всей городской общины ... постановляем, чтобы епископ Кафы, нынешний и будущий ... не налагал руку на жатву других народностей».¹⁸

Однако признание «университас» Кафы не означает отрицания социальных и иных различий. Здесь существовала своя иерархия. Высшую ступень занимали генуэзцы: им принадлежала высшая исполнительная и судебная власть — консуль-

nel Quattrocento // Rassegna degli Archivi di Stato. Roma, 1965. N 2. P. 230; Panaitescu P. La route commerciale de la Pologne a la mer Noire au moyen âge // Revista istorica Romana Buc. 1933. N 3. P. 191; Andreev S. Op. cit. P. 45.

¹⁷ Primaudais E. de. Études sur le commerce du moyen âge: Histoire de commerce de la Mer Noire et des colonies génoises de la Krimée. Paris, 1848. P. 334—335; Balbi G., Raiteri S. Op. cit. N 35; Vigne A. Codice diplomatico. Vol. VIII. P. II. P. 82.

¹⁸ Ibid. P. 631.

ская. Далее следовали греки, армяне, евреи, т. е. в том порядке, в котором они традиционно приводились в официальных документах кафских властей как «самые верные нам и хорошие торговцы». Привилегированное положение греков объясняется тем, что их язык рассматривался как второй официальный. На нем велось судебное делопроизводство, чего не было ни с языком армян, ни иудеев, так как нотариальные акты греков расценивались наравне с латинскими. Особое положение в «университас» занимали татары, очень часто именовавшиеся «сарацины», по признаку принадлежности к исламу. На устном татарском (*lingua tartarica*) делались все публичные объявления всех постановлений коммуны. На письменном арабском (*littera saracena*) велось делопроизводство в курии. Симптоматично, что турки, захватив Кафу, обошлись с ее населением в соответствии с данной иерархией: латинян вывезли как заложников в османскую столицу, греков, армян, евреев подвергли переписи и налогообложению, остальных — русских, черкесов, валахов, поляков и пр. — лишили имущества и продали в рабство, при этом сохранив преимущества татар.¹⁹

Таким образом, привилегированное положение генуэзцев в городской общине Кафы создавало определенную устремленность на достижение «статуса генуэзцев» для не являвшихся таковыми. Здесь речь идет о довольно распространенной формуле — «генуэзцы и кто генуэзцем считается или называется, или кто пользуется привилегиями генуэзцев». Это наиболее примечательный случай, когда «генуэзцем» можно стать не по факту рождения, но лишь на основе обладания иммунитетами и бенефициальными грамотами (*immunitates, littere libertatis et franchigie*), полученными либо от правительства Генуи, либо от генуэзской администрации Кафы. Решающим условием выступало даже не происхождение от отца-генуэзца, не знание латинского языка и католическое вероисповедание, хотя все могло учитываться, но принадлежность к «университас». «Генуэзцами» рассматривались жители Кафы «после того, как они оставались и жили в городе, или бурге, или в предместьях Кафы в течение одного года со своими семьями». Напротив же, запрещалось действовать от имени генуэзцев лицам, не входившим в «университас», чужеземцам и иностранцам (*forenses vel extranees*). «Права генуэзцев» предоставлялись, как можно судить, татарам и грекам, армянам и евреям. В этом случае на них распространялись все привилегии, которых добились Генуя в черноморском регионе. Попытки расширить раздачу «прав генуэзцев» на лиц, не принадлежавших к общине Кафы, являлись преступлением как статутного права, так и договоров Генуи с государствами Черноморья. Византия, в частности, в начале XIV в. протестовала против подобной практики, заяв-

¹⁹ Ibid. Vol. VI. P. 357; Vol. VII. P. II, 609, 624, 655, 664; Heyd W. Op. cit. T. II. S. 403.

ляя, что «чиновники, которые представляют в Черном море коммуну Геную, выдают в тех местах грамоты об освобождении и льготах многим и многим тем, кто не является генуэзцем, или не происходит из дистретто Генуи, и, таким образом, нарушает [право сбора] комеркия императора».²⁰

Приведенные данные побуждают скорректировать прежние выводы о жестком противопоставлении и непреодолимом социальном неравноправии генуэзцев и негенуэзцев. Для нелатинян всегда существовала возможность повышения социального статуса. И можно сколько угодно привести примеров, когда нелатиняне обладали правами *burgenses*, *cives* и, наоборот, когда латиняне их не имели.²¹ Здесь могут и должны быть приведены имена не только греков, армян, евреев, игравших важную роль в судьбах общины Кафы, но и грузин, черкесов, русских и других, являвших собой гордый образ свободного гражданина.

²⁰ Beglirano L. T. Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera // ASLSP. Genova, 1877—1884. Vol. XIII. P. 111; Vigna A. Op. cit. Vol. VII. P. 11, 650; Schreiner P. Bizantini e genovesi a Caffa. P. 97—100; Polonio V. Famagosta genovese a metà dell' 400: Assemblee, armamenti, gride // Miscellane di storia Ligure in memoria di G. Falco. Genova, 1966, P. 221, 231 sq.; Jacoby D. Citoyens, sujets et protégés. P. 173.

²¹ Musso G. Gli orientali nei notai genovesi di Caffa. P. 97—110; Schreiner P. Op. cit.; Balard M. 1) Les orientaux à Caffa; 2) «Infideles» ou comans? A propos des «sarraceni» de Caffa // La storia dei genovesi. Genova, 1988.

Л. Т. Авилушкина

К ИСТОРИИ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ «ХРОНИКИ» МИХАИЛА ГЛИКИ

«Хронике» Михаила Глики, византийского автора XII в., исследователи долгое время не уделяли должного внимания, так как считалось, что как исторический источник она не представляет большого интереса из-за допущенных автором неточностей в передаче исторических фактов.¹ В последние десятилетия в науке обозначился новый подход к изучению исторических сочинений византийских авторов.² Перед современными исследователями встала задача воссоздания наиболее полной истории

© Л. Т. Авилушкина, 1991.

¹ Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884. С. XXIV—XXV; Васильевский В. Г. Обзорение трудов по византийской истории. Вып. 1. СПб., 1890. С. 30; Карышковский П. О. Балканские войны Святослава в византийской литературе // ВВ, 1953. Т. 6. С. 69; Могаусік G. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. S. 431.

² Любарский Я. Н. Михаил Пселл. М., 1978; Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980; Досталова Р. Византийская историография (характер и форма) // ВВ. 1982. Т. 42. С. 22—34.